

ЖРОНОДИЛ

К 536

14

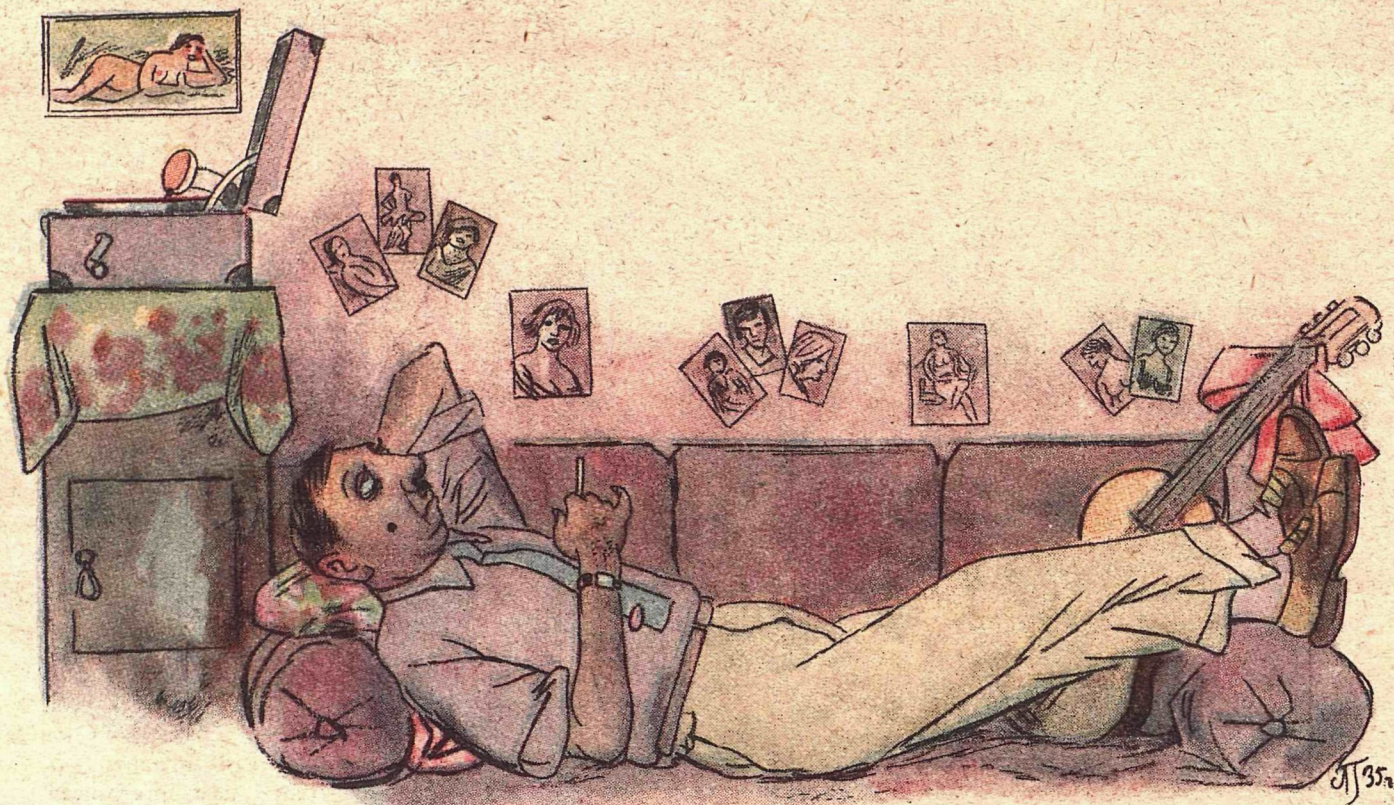
УВАЖАЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ

Рис. К. Розова

— Старики у нас нынче крепкие! Вот уже пятнадцатая остановка, а все стоят! Молодцы!..

Рис. Л. Гонча

— Маньке за Ваньку—50 рублей, Машке за Мишку—50 рублей... На какие же деньги я в таком случае куплю Нелли цветы и трюфеля?

ПАПАША В БЕГАХ

Челпанов любит лошадей. Он понимает, он тяжело переживает всякий мокрец или засечку у лошади вверенного ему предприятия. Он любовно гладит упругие и бархатистые шеи четвероногих красавцев. Он души в них не чаает.

Так что нет ничего удивительного, что Челпанов жизненную свою линию наметил по коневодческой части.

И был сей Челпанов за особые свои достоинства переведен с молодой женой, Клавой, из Харькова в Москву, и назначили его директором Московских бегах, где он и работал не покладая рук. И проживал он с молодой женой в доме ипподрома, пока не поехал в командировку за границу, сопровождать на выставку лучших отборных скакунов московского ипподрома.

Очень приятно. А через 7 дней после отъезда Челпанова на его квартиру явились суровые люди и предложили его жене—Клавдии Чайкиной—освободить помещение.

— Как так, освободить помещение? Почему? Мой муж в командировке за границей,—запротестовала удивленная Чайкина.

— То есть как за границей?—удивили суровые люди.—Это с каких же пор Тула за границей стала? Довольно-таки русская местность город Тула.

— Вы неправы, вы врете,—всполошилась Чайкина и побежала в Наркомзем наводить справки.

Но оказалось, что правы были выселявшие, что просто Челпанов избрал в качестве наиболее благовидного предлога, для того чтобы покинуть свою беременную жену, фиктивную поездку за границу.

По истечении законного срока родился у нее мальчишка. Мальчишке надо было кушать.

Суд? Алименты? Вот именно—суд. Вот именно—алименты. Три раза: в 1931, 1933 и 1934 гг. собирался суд и выносил решения в пользу Чайкиной. Три раза являлась она на суд. Все три раза не являлся на суд отец ребенка Алексей Тимофеевич Челпанов. И, конечно, не платил алиментов. Он был оскорблен в своих лучших чувствах. Он был оскорблен как отец и гражданин.

— Это как же понимать надо?—возмущался он в беседах с Чайкиной.— Я тебя тихо, деликатно, без шума, без лишних разговоров бросаю с ребенком, а ты сразу—в суд. Ой, как некрасиво! Поговорила бы со мной сама, и я бы, пожалуй, не отказался. А так—получай через суд. Вот Клавдия Чайкина четыре года и получает через суд: до сих пор не получила на содержание сына ни одной копейки. Исполнительные листы аккуратно поступают к директору конного завода № 9 товарищу Челпанову, проживающему сейчас на 52-м разъезде Пермской ж. д. (Челябинской области), и тов. Челпанов как распорядитель кредитов, весело улыбаясь, рвет эти исполнительные листы на мелкие кусочки.

А Чайкина работает писемносецем в одном из московских почтовых отделений. Она получает 130 рублей в месяц и 40 рублей платит на содержание сына в детском саду.

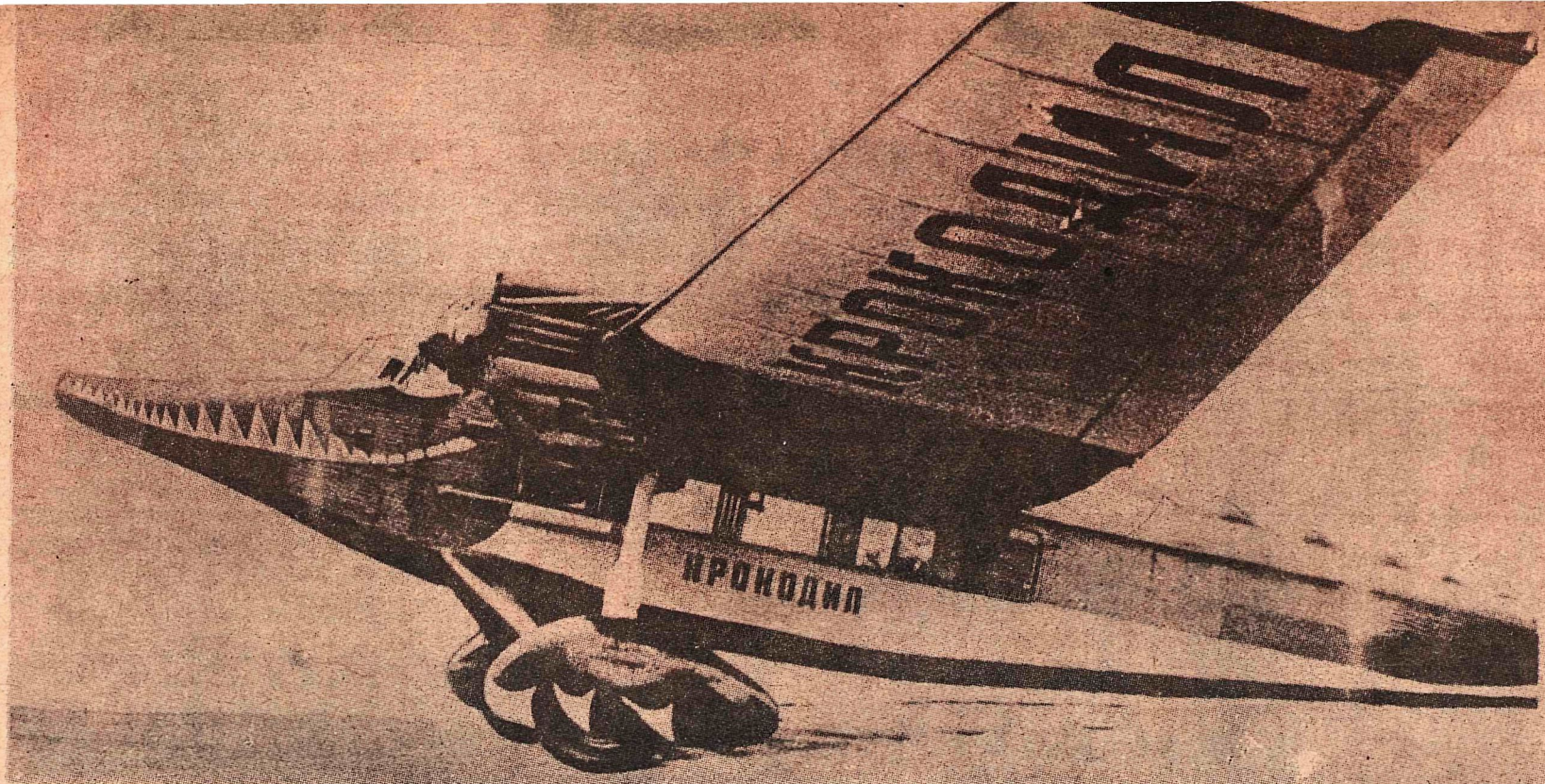
Что же касается Челпанова, то он получает всего только 450 рублей в месяц, так что ему, конечно, приходится потуже.

Уже научились привлекать людей к строжайшей ответственности вплоть до исключения из партии и предания суду за растраты государственных имуществ, за преследование рабочих, за систематическое пьянство и разврат, за составление неправильных балансов, за халатное отношение к работе, за падеж скота, за порчу инвентаря, за издевательство над подчиненными. Но еще до сих пор здороваются за руку и считают хорошим парнем Челпанова и ему подобных, которые растрачивают самое драгоценное наше богатство—золотой фонд социализма—нашу смену. Наверное, и в районном комитете той организации, в которой Челпанов состоит на учете, судят о нем только по тому, как он относится к лошадям.

Пусть они в таком случае обратятся к его сыну и спросят его мнение о папаше. Алеша нередко нарывается толковый, так что вполне возможно, что, несмотря на свой нежный возраст, он на вопрос „Мальчик, кто твой папа?“ ответит с милой детской прямоотой: „Мой папа—проходимец с партбилетом в кармане!“ И мальчик будет совершенно прав.

А. Т. Челпанов.

Мы не любим высокаторжественного стиля.

Поэтому информацию о самолете «Крокодил» даем в самой сдержанной и краткой форме. Не без выяснения, конечно, некоторых любопытных подробностей.

Дело началось с того, что мы захотели иметь свой самолет. Желание — это уже большая заручка в таком большом деле.

Начали выяснять техническую сторону вопроса. Оказалось, что несмотря на блестящую постановку у нас авиостроительства, кроме желания, для постройки самолета нужны еще деньги.

Это была маленькая, но несколько неприятная деталь.

Тогда мы посоветовались с читателями: что они думают по этому поводу?

Наши читатели поступили со всей присущей им деловитостью. Произошел быстрый и эффектный обмен. Мы передали им наше пожелание построить самолет, а они нам прислали для этого денег.

Такую быстроту обычно называют американской. Думаем, что это не соответствует действительности. В Америке читатели с не меньшей быстротой ответили бы отказом. Но советский человек лишен коммерческой жилки и способен реализовать всякое полезное желание сотнями тысяч трудовых денег. Искренно жмем ему руку за это. Поэтому мы и живем в счастливой стране,

где никто и чужих жил не тянет и на своей жилке не играет.

Самолет нам построили. «АНТ-9». Большой, прекрасный самолет, которому наши художники Л. Бродаты, Бор. Ефимов и К. Ротов придали вид Крокодила...

Самолет наш передан в агитэскадрилью им. М. Горького. Как он будет работать, об этом мы систематически будем извещать читателей. Они его строили — они будут и контролировать.

Наднях самолет «Крокодил» уже вылетел в свой первый рейс — круговой перелет по 15 городам Союза — для проверки соревнования городских и сельских советов, агитации за лучшую организацию помощи железнодорожному транспорту, за ударную работу по школьному строительству и образцовую подготовку к новому учебному году.

Итак, «Крокодил» уже в воздухе. Новое явление в литературе, зоологии и общественной жизни.

М. ГОРЬКОМУ

В строй самолетов агитэскадрильи вашего имени вступает самолет «Крокодил» («АНТ-9»), построенный на средства, собранные среди читателей нашего журнала.

Он отправляется в свой первый круговой полет общим протяжением около семи тысяч километров.

Он посетит 15 крупнейших городов европейской части Союза, чтобы проверить, как проходит соревнование местных советов за культурный, благоустроенный город, за лучшую помощь железнодорожному транспорту, за ударное строительство новых школ и лучшую подготовку к наступающему учебному году.

Крылатый «Крокодил» будет с воздуха атаковать бюрократов, лодырей, оппортунистов, кулацких последышей — всех тех, кто мешает нашей замечательной родине строить чудесную, радостную, светлую жизнь.

Передавая самолет агитэскадрилье, коллектив работников журнала политической сатиры «Крокодил» шлет вам, дорогой Алексей Максимович, свой горячий правдивый и крокодильский привет!

РОМЭН РОЛЛАН О НАШЕМ САМОЛЕТЕ

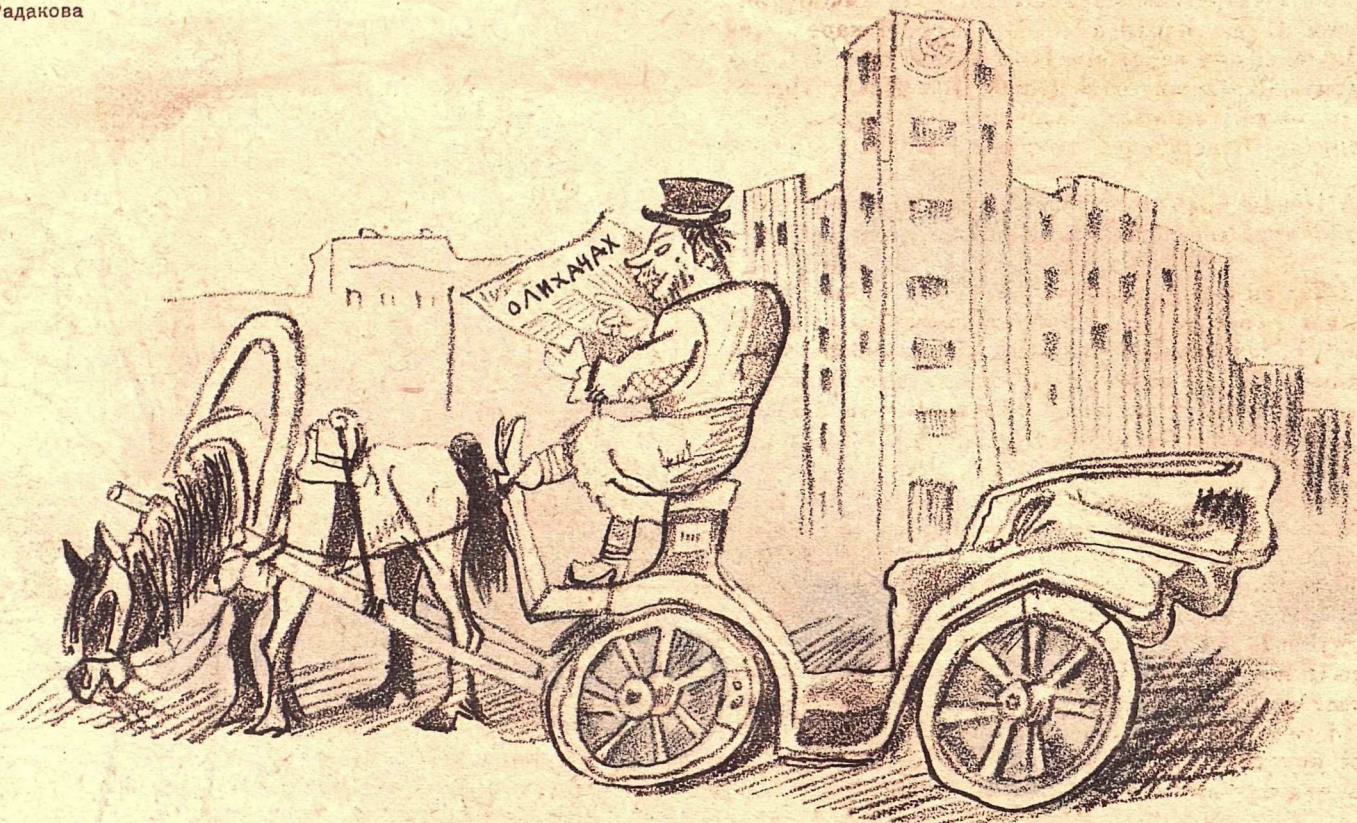
Горячо поздравляю с рождением самолета «Крокодил».

Желаю удачи первому круговому полету «Крокодила» по Советскому союзу.

Шлю сердечный привет работникам журнала и экипажу самолета.

Romain Rolland

— Батюшки! До нас, лихачей, добрались! Просто невозможно будет скоро ездить по Москве!..

„СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО“

В общем, жизнь удовлетворяла все запросы Ивана Лукича. Он был здоров и не слишком стар, у него были заслуги и хорошая биография. Одним словом, все обстояло благополучно, если бы не одно неприятное, неопределенное чувство, которое в последние годы стало особенно беспокоить Ивана Лукича. Временами ему казалось, что его забывают, что его не помнят старые и всеми уважаемые товарищи, что на собраниях и широких заседаниях люди снисходительно и равнодушно скользят взглядом по его представительной фигуре. Ему вдруг казалось, что его забывают, что не знают о том, как он стойко и умно держал себя при таких-то обстоятельствах и что о нем сказали такие-то товарищи. Должно быть, именно по этой причине он стал писать мемуары и охотно читать перед случайными слушателями. И так, кроме этого странного беспокойства, ничто не волновало Ивана Лукича. И особенно волновало его это чувство в дни, когда он знал нечто такое, что можно было доверить только испытанным, заслуживающим особого доверия товарищам. Тайна переполняла Ивана Лукича. Невозможно было передать счастливое ощущение знать больше того, что знают другие, хранить в себе тайну. От этих ощущений спирало дыханье, учащенно билось сердце и приятно немели руки.

Сегодня был счастливый день. Он знал нечто такое, чего не могли знать обыкновенные обитатели дома и квартиры, где он жил. Пожалуй, даже в целом городе не нашлось бы двух десятков людей, которые бы знали то, что сегодня узнал Иван Лукич. Он шел по улице и думал: «Вот идет седой человек с орденом. Он даже не взглянул на меня. Между тем, если бы он знал, кто я и что я знаю, как бы он глядел на меня. Я стал бы в его глазах выше на голову. Или вот идет знакомый по дому отдыха в Гаграх. Если бы он знал, что я ношу в себе, он остановился бы и не отставал бы до тех пор, пока я... Впрочем, я умею хранить тайны».

В таких мыслях он очутился у дверей квартиры. Ему открыл дверь дальний родственник Сеня, младший командир артиллерийской части. Иван Лукич прошелся по комнате. Его немножко сердило то, что Сеня молча читал газету.

— Так, так, — как бы про себя сказал Иван Лукич, — вот

вы, дорогие товарищи, читаете газеты, и многое для вас, так сказать, остается втуне.

Сеня поднял глаза от газеты и вопросительно взглянул на Ивана Лукича.

— Великая вещь — осведомленность, — продолжал Иван Лукич, — ты читаешь газету и, скажем, я читаю газету, я, то-есть человек осведомленный, знающий многое такое, чего вы, обыкновенные смертные, не знаете. Понятно, по моей должности, заслугам и стажу я имею такие, так сказать, источники, каких вы, друзья мои, не имеете. И, конечно, мне известно многое такое, что до тебя, дорогой мой Сеня, не доходит. Ну, для примера возьмем ноту одного государства на Западе, назовем его «энское» государство...

— Ну чего там «энское» государство, — сказал Сеня. — Коли нельзя об этом говорить, так и не говорите, а то «энское» да на Западе, тут и дурак поймет...

Иван Лукич усмехнулся и покачал головой.

— Плохо ты меня знаешь, Сеня. Что бы я, Иван Лукич, выболтал гайну государственной важности! Вчера у нас на бюро был такой случай... Возник вопрос об одном товарище (есть у нас такой товарищ в одном отделе на втором этаже). Так вот, в биографии этого товарища есть один более чем странный момент. Человек довольно умный, осторожный, в прошлом году ездил за границу, жена у него, правда, беспартийная, но зато врач...

— Комаревич, — задумчиво произнес Сеня.

— Я этого не сказал, — строго возразил Иван Лукич, — я не назвал фамилии этого товарища. Не было такого случая, чтобы я — старый конспиратор — проговорился. Ну, стало быть, бюро заинтересовалось эпизодом, случившимся с Комаре... с этим товарищем во время его командировки...

Оглушительная трель телефона прервала Ивана Лукича. Он взял трубку, между тем дальний родственник Сеня задумчиво рисовал на полях газеты профиль человека с подстриженными усами.

Иван Лукич держал телефонную трубку между плечом и щекой и, довольно ловко закуривая папиросу, продолжал начатый разговор:

Рис. Л. Бродаты

КРИТИК: — Читал вашу новую книгу. Говорят, хорошо написана.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ, ИЛИ...

Рис. Б. Малаховского

... вечер самодеятельности в доме отдыха.

— ...не заставляй меня говорить яснее... тем более по телефону. Ну, соседи, понимаешь, со-се-ди... Нет, не то... Одно могу сказать, но в секретном порядке. Но пока никому ни-ни... Назови сам. С М... плохо дело. Ну да, о Макаре... Со-всем плохо. По телефону неудобно. Как? Правильно. Но, разумеется, никому. Чтобы ни одна душа... Ну, Ивану Павловичу, конечно, можно. Галочке? Галочке тоже можно. Но в секретном порядке. Совершенно секретно. Точка Привет. Звони!

Затем Иван Лукич положил трубку и прошелся по комнате. Ему стало чуть легче, и все же обилие тайн переполняло его.

— Да, — сказал он с неудовольствием, — есть такие люди: что им ни скажи, — непременно проболтаются. Нужно иметь выдержку, особую, так сказать, завязку. Когда-нибудь в моих воспоминаниях ты прочтешь о поездке за шрифтом...

— Дядя, — вдруг перебил его дальний родственник Сеня, — как хотите обижайтесь, но я вам вот что скажу... Не умеете вы хранить тайны.

Иван Лукич строго посмотрел на Сеню и пожал плечами.

— Вот я сижу с вами четверть часа, — продолжал Сеня, — и за эти четверть часа чего только ни слышал. А, может, действительно ни Ивану Павловичу, ни мне об этом не полагается знать. И даже тетке моей и вашей жене Анне Васильевне. Нет, не умеете вы молчать, дядя. А это большое искусство — уметь вовремя молчать.

— Что такое? — повысив голос, сказал Иван Лукич. — Кто дал тебе право так разговаривать?!

Но дальний родственник Сеня торопился и ушел в коридор. Пока он надевал шинель, он слышал голос Ивана Лукича:

— ...не заставляй меня говорить яснее... тем более по телефону. Назови сам. Ну с Ма... дело плохо. По телефону неудобно. Как ты сказал? Правильно. Именно это. Но чтобы ни одна душа. Василь Васильичу? Ну, ему можно. И Борьке можно. И Тане тоже. Но в секретном порядке! Совершенно секретно. Точка.

Сеня развел руками, ахнул и сердито закрыл за собой дверь.

Поздно вечером вернулась от друзей Анна Васильевна, жена Ивана Лукича.

— Ваня, — сказала она, — интересная история с этим Комаревичем. Могу сказать тебе в секретном порядке, совершенно секретно...

— Откуда ты знаешь? — в негодовании воскликнул Иван Лукич. — Какие, однако, есть болтуны на свете, какие болтуны!..

Л. НИКУЛИН

СТАРУХА-ПОДРОСТОК

Время от времени в иных изданиях появляются сообщения о том, что там-то и там-то проживает старик (или старуха) ста десяти — ста двадцати — полутора-ста лет. Наконец, и Крокодил может пополнить этот список. По полученным нами сведениям, в городе Зее (Дальневосточный край) проживает гражданка Зинаида Платонова, 116 лет от роду. Она родилась в 1819 году. Эта Платонова вполне здорова, отличается хорошим зрением и слухом, много бегает, занимается физкультурой и даже собирается поступить в среднюю школу.

Правда, в этом отношении мы предвидим кое-какие препятствия: лиц такого почтенного возраста в учебные заведения не принимают. А досадно. Тем более досадно, что, собственно, старуха Платонова родилась не в 1819, а в 1919 году. И вообще Зине Пла-

тоновой сейчас 16 лет, так что почему бы ей, собственно, не бегать и не поступать в школу?

Но вот в паспортном отделе города Зея, где Зине вмазали 1819 год рождения, очень суровое начальство, и оно (начальство) никак не желает исправить свою ошибку. Вот и приходится Зине Платоновой состоять в должности местной Мафусаилихи.

Пусть бы Зина зашла в паспортный отдел и, поставив в угол клюку, откашлявшись, сказала бы тамошним руководителям:

— Как сейчас помню... кхе-кхе... В 1845 году... ох-хо-хо... сидел в зейском уездном суде присяжный стряпчий... Уж на что был бюрократ... кхе-кхе... кашей, формалист, а такую жеребятину и он бы не сделал: молодой девке на возраст сто годов накинуть!..

Может, подействовало бы...

А СУДЬИ ГДЕ?

Фотоочерк А. ШАЙХЕТА

— Известно где, — ответят нам товарищи из Моссовета и райсоветов, — в специально отведенных для нарсудов помещениях. В специальных? Отведенных? Помещениях? Так мы вас поняли, дорогие товарищи? Так? Великолепно! Призовем же сейчас в свидетели нашу московскую общественность и посмотрим вместе с ней, в каких жилищных и бытовых условиях работают нарсуды в советской столице. Приготовились? Идемте. Мы вам будем демонстрировать.

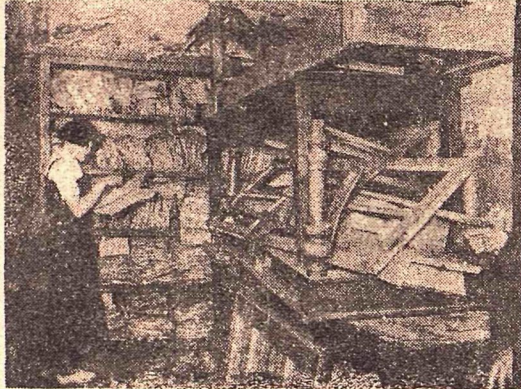

1. Простите, что начинаем с уборной. Бес тактно, но ничего не поделаешь. Тем более, что эта уборная нарсуда Дзержинского района функционирует, так сказать, на половинных началах. Слева — уборная как таковая, а справа она же — судебный архив. Рекомендуем члена дзержинского райсовета слегка задуматься над этим фото. А если не слегка — еще лучше.

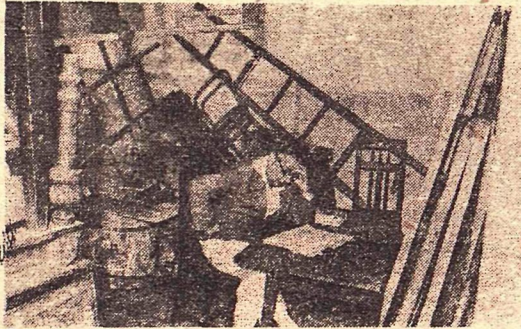

2. Пышный зал заседаний того же нарсуда Дзержинского района. Сотрудники называют его Мраморным из уважения к его оформлению. В порядке информационной добросовест-

ности отметим, что во время заседаний плитка не топится и половая щетка убирается. Ну, как?

3. Одну минуту внимания! Помещение для архива нарсуда, отведенное краснопресненским райсоветом в порыве безумной щедрости. Пышно, капитально и в то же время уютно. Предлагаем поломанные столы, рамы и доски считать архитектурным украшением судебного архива. Кусок шкафа попал в архив случайно. Члены краснопресненского райсовета в нарсуд не попадают даже случайно. А жаль — посмотрели бы...

4. Защитник Брусиловский знакомится с делом в краснопресненском нарсуде в специально отведенном для этого сарае. Приятная, освежающая атмосфера для работы юриста! Вообще, конечно, спокойно. Лестница на го-

лову не падает. Штукатурка держится. Сразу видна крепкая, неустанная забота райсоветчиков.

5. Специальный снимок для тов. Евстигнеева, председателя краснопресненского райсовета. Свидетели дожидаются у здания нарсуда ввиду отсутствия помещения для них. Из вежливости они считают себя изолированными друг от друга, как и полагается свидетелям. Справа — девушка в белом берете проходит мимо здания нарсуда. А вы, товарищ Евстигнеев, хотя бы мимо него проходите?

— А судьи где? — спросили мы. И ответили. И еще раз опросим у Моссовета и райсоветов!

— Когда же вы, дорогие товарищи, дадите нарсуду настоящее помещение и заставите московское население забыть о тех грустных картинах, которые мы здесь привели?

„В Ы“

Под выходной день за колбасой вытягивалась вдоль стеклянного прилавка небольшая очередь. Стоявшие, оглядывая себя в зеркала сверху, снизу и с боков, восхищались чистотой и вежливостью. Особенно вежливостью.

— Бог с ними, что цены среднекоммерческие, зато вежливость...

— Здесь не тыкнут, как в трамвае...

— Здесь на вы... Колбасу — и то вежливо зовут «колбаской»...

— Помилуйте... Отдохнешь телом и душой. А то вот зашел давеча на почту, извольте сам к заказному марки клеить: «У нас, говорит, слюней для вас не запасено»...

— Очень, очень вежливо... Простите, я, кажется, толкнул вас локтем?..

— Пустяки... Я и сам не заметил...

— И сам облагораживаешься...

Вдруг передние заволновались. И по всему остатку хвостика прошла зыбь. К прилазчику, награжденному галстуком-бабочкой, подошла женщина со спящим ребенком на руках.

— Мне не вешать, не вешать, только консервы... — тихо сказала она.

— Виноват! Виноват!.. — закричали все. — Виноват!..

— Будьте любезны! Встаньте, как полагается!

— Еще новое дело! Здесь цены среднекоммерческие, никаких никому привилегий нет!..

— Мне ж не резать... Только кон...

— Знать не знаем... Мне вот тоже зельцу только взять... Хитрые какие!..

— Это вам не трамвай... С передней площадки!..

И какой-то в белой фуражке из соломки, отразившись во всех зеркалах, отеснил женщину спиной и махнул рукой.

— Атанде, мамаша с крошкой!..

В. ТОБОЛЯКОВ

РАНЕНИЯ СТИЛЕМ

Аполлон.

Виноват, наверное, бог Аполлон. Распоясался. Ему, видите ли, мало, что он может требовать к священной жертве поэтов. Ему еще понадобился писатель Иван Евдокимов.

А так как Иван Евдокимов — человек негордый, он моментально и принес в портфеле эту самую очередную жертву под названием «Портрет Василия Мещерина».

Почему ее принял Аполлон, — нам не понять. Почему ее приняли редакторы, — еще непонятнее. Очевидно, тут же воскликнули: «Будем как боги», — и по-

теряли требовательность, не сходя с места, какое занимают.

Вот каким стилем написан евдокимовский «Портрет Василия Мещерина».

«Мужики глядели несворотимо».

«Фельдфебеля любопытно замирали».

Почему же происходят с фельдфебелями и мужиками такие неграмотные и странные явления? А и есть же отчего «любопытно замереть» не только одним фельдфебелем, а и есть же на что можно «поглядеть несворотимо»!

«Первенец населил Марьюшкин угол».

«Птица задела нерассчитанным крылом за веревку».

«Волокут усталые шаги пешеходы».

«Хорошо в бане и с заглавными монастырскими людьми».

«Отец повернулся к сыну недовольной спиной».

Редакторы этого, к сожалению, не сделали. Спины у них, повидимому, в момент чтения евдокимовского опуса остались довольны.

Но для Ивана Евдокимова и нерассчитанных крыльев и недовольных спиных еще маловато. У него еще имеется в запасе:

«Папа... с растроганными слезами».

А у папы есть мальчик, с головой которого можно проделывать поистине изумительные вещи:

«Читагов загнул на руке два пальца, а гремя словно прикнул и освежил голову мальчика».

А мальчик, с освеженной таким странным способом головой, не отстает и сам:

«Юрий Долгорукий! — опять овладел собой мальчик и поширил голову».

Но оставим мальчика в покое. Голова его и пусть он сам отвечает за безграмотное обращение с ней. Значительно хуже обстоит у Ивана Евдокимова дело с трактором. Это учреждение определенно страдает распространенной и довольно мучительной болезнью:

«Вася шатался по городу после запора трактора».

И в другом месте:

«К запору трактора несколько раз менялась снеданная стойка».

Но вместо того чтобы снабдить трактор необходимым в этих случаях слабительным, Иван Евдокимов настаивает на том, что с пищеварением и у ворот тоже что-то неладно:

«Не дал спросить ребятам о запоре ворот».

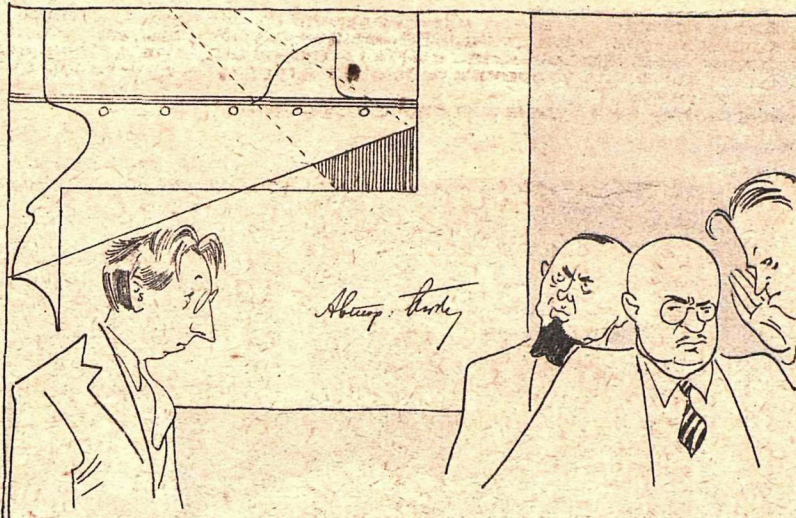
Думаем, что этих цитат совершенно достаточно. По крайней мере, для нас. А что касается Аполлона и редакторов, — это уже их дело. Мы не боги, мы только читатели.

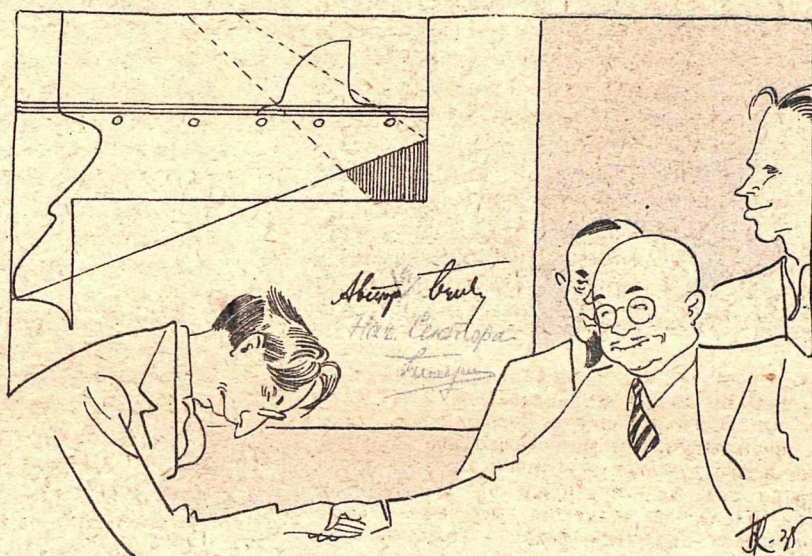
И Евдокимов.

СУЩЕСТВЕННАЯ ПОПРАВКА

Рис. Б. Клинка

— Проект неприемлем...

— Теперь — другое дело!..

КРЫСЫ И МЫШИ

В этом сарае, где было сложено зерно нового урожая, меньше всего спали мыши. Нажравшись доотвалу, мыши начинали беседу:

— Знаете, — попискивает мышь-старожилка, — боюсь, как бы у меня колита не было: зерно сырое еще...

— Это что... А вот как примутся за нас, так околеем мы с голоду...

— За нас? На наш мышиный век раззяв хватит. Который год принимаются... Ам, ам. И все ничего... У меня вон золовка — церковная мышь. Уж как прежде говорили — беден как церковная мышь, а неправда теперь. В бывшей церкви тоже зерно сваливают, так золовка растолстела до невозможности. Загордилась. Теперь у нее хвост такой толщины, как прежде брюхо было. Вчера... Ам, ам... Потеха! Хотела в нору к себе залезть, да и застряла. Еле за хвост вытащили...

— Ой, нет, все-таки боюсь я, — продолжала мышь-скептик, — возмущаются за нас. Ведь сколько мы это зерна каждый год портили, ведь...

— Заныла... Ты у нас известная оппортунистка...

— Тсс!.. — запищала мышь-сторожиха. — Крысы идут!..

И в сарай вошли крысы. Канцелярские.

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ

Одному профсоюзному работнику говорили:

— Нехорошо все-таки, товарищ Степанов. Вот помер Ладыжкин, можно сказать, лучший ударник, а от завкома никто и за гробом даже не пошел...

— Виноват! Виноват! — вскрипел возмущенный профсоюзный работник. — Да вы газеты невнимательно читаете! Ведь теперь в порядке дня внимание к кому требуется? Внимание к ж-и-в-о-м-у человеку! А вы о Ладыжкине толкуете!.. Он зараз после смерти автоматически и из профсоюза выбыл. О нем разговор кончен!..

В. ТОБОЛЯКОВ

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Из пивной-американки выводили пьяного. Пьяный очень кричал и сопротивлялся, но у всех, кроме него, — у выводивших и у публики — были скучные спокойные лица: дело обычное.

— Не имеешь полное право! — орал пьяный. — Я имею полное право! Теперь же все имеют полное право! А у вас что за полное право?! — и вдруг, схватившись рукой за косяк двери, зашипел: — Вряошь... вряошь, не возьмешь... Руки, руки не ломать! Руки...

Но руку его уже оторвали от двери, и он, завертевшись как в водовороте, исчез на улице.

Серьезный гражданин в рыжей кепке, с достоинством стоявший у своей кружки с пивом, внезапно крикнул и сказал соседу:

— Пьяный, конечно, человек. Говорит: «Все имеют полное право». Так то оно так, а уважение у нас не ко всякой профессии имеется.

— То есть? — удивился сосед. — Вы о ком?

— Да хоть о себе. Вот я был токарь по 5-му разряду. Так сказать, трудился на фронте тяжелой промышленности, которая есть база. Теперь выдвинули меня в правление жакта. Ну, видать, подошел я. Дале — боле. Так и так, говорят, берись, будь советский управдом. Я сдуру и взялся.

— Почему же сдуру?

— А потому. Бывало прежде анкету заполняешь или куда придется: кто вы такой есть? Отвечаешь гордо: я есть рабочий. А теперь? Теперь я, ей-богу, стесняюсь. Кто вы такой? Я сам, извиняюсь, управдом... Тьфу ты, до чего смешная выходит фигура!.. Я так скажу: вы почитайте, что про рабочих в газетах пишут и что про управдома. Про рабочих — одно хорошее. Про управдома только и читаешь: управдом растратил 718 рублей; управдом остановил середь бела дня воду, и жильцы, которые мылись, ровно лошади в мыле, бегали по дому; управдом на дворе развел такую грязь, что потонула во дворе небольшая собачка породой овчарка... А артисты, артисты что себе позволяют! Вот я сам слушал в легнем саду два года назад и до сих пор помню, пел один артист:

«Наш любезный управдом
Скоро уж развалит дом.
Видно, что у управдома
В голове-то не все дома!..»

И так, знаете, ногами об пол: трррр... тррр...

А главное — за что это все? Ответственности, работы сколько... Покою нет тебе все сутки. Возьмите хоть отчетность по дому... Вон мне третьего дня приснилось, что будто одна цифра вылезла из ремонтной сметы и потихоньку пробрается в кассовый отчет. Я будто кинулся за этой цифрой. А она обернулась мальчишкой Колькой из 18-го номера — безнадзорный такой парнишка у нас в доме, все по двору хулитанит — да и убегает, значит, от меня на крышу. Я вдогонку. А крыша хрустит, ей ремонт нужен, а кровельщика нет... Просыпаюсь в холодном

поту, не знаю про что думать: про отчетность или про ремонт...

Или еще квартплата. Ну, не вносят. Ходишь по квартирам как нищий, просишь, чтоб платили, будто это тебе деньги пойдут. А жилец ворчит: «За что я вам буду платить, у меня в стене такая трещина, я с соседом за ручку здороваюсь через эту трещину, не выходя из комнаты!..» А если ты не заплатишь, ва что я ее буду чинить, твою трещину?

Потом чистота. Полиция требует. Да и как не требовать, разве мы не понимаем, что лучше чистота, чем грязь? И жильцы требуют. Сами требуют, а сами что делают?.. Вызывают меня, например, в седьмую квартиру. «Что такое!» — «Дайте нам новую раковину, эта кончилась!» Подхожу к этой раковине. То есть не подхожу, а подпрыгиваю по кирпичам, потому что вокруг ее такая лужа, что кирпичи проложены, как на улице в дождь. Смотрю: чего-чего в эту раковину не совали — и мышей дохлых, и кости, и щепки, а кто-то даже ножку от кресла сунул... На дворе поставил мусорный ящик, так они его считают как мишень. Не подойдут и не положат в ящик, мусор то есть, а кидают в направлении ящика. Попал — значит, попал. А промахнулся — пускай валяется, где придется. Тоже к ящику скоро подойти нельзя будет...

Потом, что ни случись, когда ни случись — сейчас бегут к управдому. Пожар, драка, кран лопнул, кипятком обварились... Когда это было?.. На той неделе. Будят меня в 3 часа ночи. «Что такое?» «В двадцатом номере Есидоров очень бушует: ревнует, видно...» «Как ревнует? Кого ревнует? Он же холостяк, одиночка!!!» «Ничего не знаем, только, видать, ревнует человек: у себя в комнате все перебил, теперь в кухню пробрался, у всех посуду крошит...» Одедся, побежал унимать.

А истопники, дворники сколько крови пьют... У нас в доме как зимой: меньше 10 градусов тепла — это называется 40 градусов, то есть, значит, истопник пьян...

— А правление жакта разве вам не помогает? — спросил сосед.

— Держи карман шире. На собрание и то никого не созовешь. Главное, в доме живут партийцы. Ответственные. Активисты у себя там, на работе. А становишь их звать на собрание — никто не идет. Прячутся. В ванной отсиживаются, когда я прихожу. Ну, я тоже не дурак. Ихнюю повадку уж знаю. Последний раз за два дня перед собранием нарочно прихожу к кому мне нужно вдвоем с шурином (они шурина моего не знают). «Комиссия, говорю, по ремонту». Шурин спросил швабру и постучал в потолок. «Свободно, говорит, может рухнуть; обвалиться, то есть, на голову...» И таким манером в 5—6 квартир. Ну, через два дня имею на собрании полный пленум. Выступают: «Отсутствие ремонта грозит нашим жизням! Мы предлагаем немедленно избрать комиссию, которая...» А мне только и надо... А иначе разве их возьмешь?

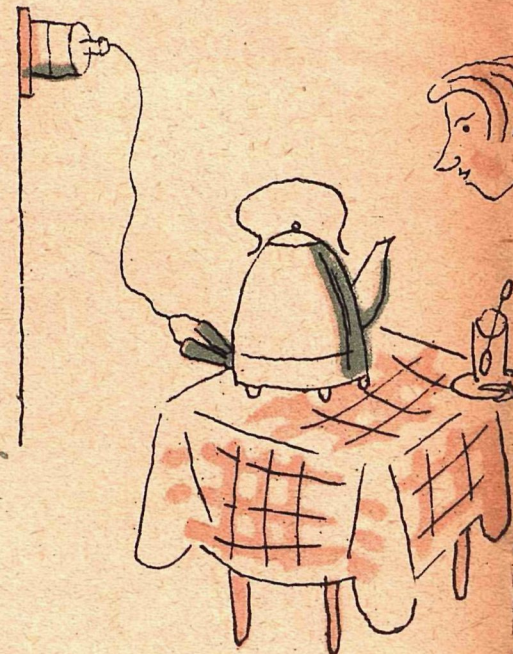
Управдом махнул рукой, отпил пива и сказал:

— Самое обиженное наше сословие.

В. АРДОВ

НАУЧНЫЕ

Рис. Б. Малаховского

Переход энергии

...в меха

МЕДОВЫ

В январе булочную отремонтировали а входом. Заведующий в избытке старания хо но подковы не нашел. У покупателей от б ки были горячие, духовитые, румяные...

По булкам было и обращение. Как б можно было услышать:

— Гражданин! Этот хлеб для вас пло а не мышами...

А в январе:

— Вот эту булочку?.. Порумянистее?..

К марту булки поостыли, более хладно

— Хлеб как хлеб. Обыкновенно польс и берите. Кто после вас товар будет есть? вижу, у вас пустро большое...

А с жаворонками хлеб и вовсе почерст

— Как это — недовешиваю?! Чем эта

эту?.. Да пошевеливайся, гражданин!..

И бросала на весы подгорелую булку.

А теперь и вовсе окаменели булки, из

пуховую мягкость. Подолгу стоят покупатели

сется продавецницы голос:

— Разиньте глаза! У меня не сто рук!

Скоро, вероятно, облысеет и золотой

СУПРУГИ МУХОМОРОВЫ

электрической...

аническую.

И МЕСЯЦ

ново, даже золотой крендель повесили над
тел было даже прибить подкову на пороге,
елизы халатов продавщиц слепли глаза. Бул-
кто подменили продавщиц. Еще в декабре
кой? Разинь глаза! Анисом от него пахнет,

Как раз под цвет к вашим щечкам...
кровны стали и продавщицы:
кий. Гражданин! Пальцем надтронули хлеб —
Может, вы какой болезненный. Я по глазам
вел. Почерствели и продавщицы:
булка не нравится?! Которую ж? Эту, эту,

о всех сил жмут их продавщицы, доказывая
ожидаю, когда примут хлеб. А от весов не-

крендель.

В. ТОБОЛЯКОВ

В Москву они приехали в начале нэпа. Вар-
вара Петровна сказала мужу:

— Помни, Жан...

Иван Спиридонович впервые в жизни узнал,
что он Жан. Но спорить не стал.

— Помни, Жан. Это Москва, а не Елец. Это
тебе не торговля дегтем. Я хочу жить интерес-
но. У меня по утрам будет мигрень.

— Пожалуйста. Я для тебя ничего не по-
жалую. Только скажи: что это такое?

— Ты ничего не понимаешь. Мигрень — это
модная болезнь. А ты должен носить желтые
краги.

Прошел год — и не узнать прежнего Ивана
Мухоморова. День-деньской он бегал со свер-
нутым портфелем по городу. Что-то покупал.
Что-то продавал. С кем-то шептался. Кому-то
подмигивал. Кому-то крепко жал руку и много-
обещающе улыбался.

Вечером ходил с женой в «Не рыдай», в
«Оливье», фамильярно подмигивал официантам
и заказывал какие-то особые блюда: «Чтобы
по-моему, понимаешь?!»

Он уже любил потолковать об искусстве:
«Что бы вы там ни говорили, а я люблю ста-
рые волжские песни: в них чувствуется душа
и надрыв». Мебель он признавал только кар-
ельской березы: «Вот я себе скоро оборудую
спальню такую, как я ее понимаю».

Жана арестовали. Какое-то темное дело со
взяткой и фальшивым ордером. Жан вошел в
исправдом, и — как писали в старых романах —
«ворота тюрьмы крепко закрылись за нашим
печальным героем». Варвара Петровна жало-
валась на тяжелые времена, на мигрень и по-
тихоньку скупала драгоценности.

Жан отсидел ровно пять лет. Когда он вер-
нулся домой, Варвара Петровна сказала:

— Иван Спиридонович! Никаких мигреней и
краг! Ты наденешь френч. Бриться будешь раз
в пять дней. С Галкиными мы больше незна-
комы: они — чуждый элемент.

— Все сам знаю, — гордо сказал бывший
Жан, — не маленький.

Вскоре Мухоморов пристроился в какую-то
организацию общественного питания агентом
по снабжению. Когда у него собирались гости
и на столе появлялась разнообразная снедь,
Мухоморов любил шутить:

— Не удивляйтесь, друзья. Я ведь агент по
самоснабжению.

Гости смеялись и завидовали. Свежеокрашен-
ная Цапкина укоризненно шептала мужу:

— Люди умеют устраиваться.

На работе Мухоморов носил потертый
френч. Всем партийцам говорил «ты», издевал-
ся над мещанством, оскорбительно отзывался о
Пуанкаре. Прослыл своим парнем.

Однажды у него в гостях был Кудряшев, за-
меститель начальника отдела снабжения. Вар-
вара Петровна налила ему чаю, сделала груст-
ное лицо и сказала:

— Меня очень волнует судьба Сакко и Ван-
цетти. Прямо успокоиться не могу. До каких
же пор капиталисты будут...

Ее прервал Мухоморов:

— Давайте сегодня отдохнем от политики.
Она у меня, Игнат Павлович, такая чувстви-
тельная к революционному движению. Выпьем
и закусим, чем бывший бог послал.

Кудряшев улыбался и чокался. Он ушел пья-
ный и довольный. Через пять дней Мухоморов

получил приятную командировку в Сухум. Вар-
вара Петровна сказала мужу:

— Вот это настоящий начальник... Кстати,
он, кажется, уважает зубровку?

Все шло хорошо. Но порою в душу агента
просачивалась грусть. А что если чистка?

«Чем, гражданин Мухоморов, занимались в
Ельде?» Надо взволнованно глотнуть из стакана
воды и рассказать о бедной сиротской доле.
Отец и мать — чернорабочие, умерли рано. Он
остался сиротой и всю свою жизнь подвергался
жесточайшей эксплуатации. Только при советской
власти...

Председатель, суровый человек в косоворот-
ке, заглянет в бумаги. «А за что, гражданин Му-
хоморов, вы отбывали наказание в исправдо-
ме?..» Брр, как неприятно!

Но вот Мухоморов прочел в газете о Бело-
морском канале, о бывших правонарушителях,
ставших ударниками, честными советскими
людьми.

Мухоморов сказал себе:

— Иван Спиридонович, на этом можно под-
работать.

На ближайшем собрании он попросил слова.
Взошел на трибуну, залпом выпил стакан воды,
ударил себя кулаком в грудь и закричал:

— Наша страна создает новых людей. Я это
знаю лучше, чем кто-либо другой. Возьмите,
например, меня. Кем я был? Чем я был?! Я
был преступником! Но я перековался. Я стал
новым человеком. Вот...

Он махнул рукой: дескать, больше не в си-
лах говорить. Выпил опять воды и сошел с
трибуны. Многие аплодировали. Семенов шеп-
нул Казанцевой: «А по-моему, ловкий артист».
Кудряшев осадил его: «Нельзя опошлять луч-
шие человеческие чувства».

Через час Мухоморов сидел в комиссионном
магазине на Кузнецком и говорил своему прия-
телю Дабкину:

— Жить можно. Не надо только зевать. Есть
дело. Могу предложить пять отрезков англий-
ского шевиота...

Не дремала и Варвара Петровна. На третьем
этаже, рядом с Мухоморовыми (теперь они жи-
ли на другой квартире), поселилась новая жи-
лица — коммунистка в очках, очень близору-
кая.

Утром, заспанная, в халате, мадам Мухомо-
рова выходит на кухню.

— Товарищ Стульчикова, вы, наверно, пом-
ните, где это у Энгельса говорится о диктату-
ре пролетариата? Мне нужно для проработки...

Близорукая Стульчикова тает от восторга.
Вскоре при ее поддержке «товарищ Мухоморо-
ва, одна из лучших наших активисток-домохо-
зяек», избирается в правление жакта. Во время
выборов Мухоморова шепнула Стульчиковой:

— Мишину не надо избирать. Она еще не-
достаточно переварилась в нашем котле...

Надних Мухоморовы переселились в новую
комнату, более просторную и светлую. Миши-
на пробовала возражать, но была заклеена
возмущенной Стульчиковой.

— Где это происходит? Где проживают Му-
хоморовы?

Даем точный адрес:

— Везде там, где рядом с ними — близору-
кие, неумные люди.

Г. РЫКЛИН

ОТЕЦ: — Меня-то вы за что штрафуете? Я его сам месяцами в глаза не вижу!..

СЕМЬЯ

Бубенцов разбивал семья сналету. Так два-три столетия назад грабили барки на Волге. С лихим посвистом, одинаковыми приемами и всегда безошибочно.

По этой же системе он и сейчас уводил Анну Петровну. На второй день знакомства он заявил решительно:

— Анна — это не имя. Тускло. Пахнет проходной комнатой и керосинкой. Я вас буду звать Дэзи.

У Анны Петровны были двое детей и молчаливый муж с одним костюмом. И ее никто не называл Дэзи. Это было так неожиданно и красиво, что уже на пятые сутки, перешивая сыну штанишки, она поняла, что она действительно Дэзи и только раньше этого никто не замечал.

— Я вас выну из семьи, — веско предупредил ее Бубенцов, ковыряя в зубах после ресторанного шницеля. — Вы пропадаете в ней, как бабочка в клетке. Золотая бабочка в ржавой клетке. Я вас выну.

— Выньте, — тихо, но восторженно согласилась Анна Петровна.

Молчаливый муж изредка называл ее кособоккой, а дети сердились, что она храпит в лунные ночи. На таком фоне ей очень захотелось поверить, что она бабочка в клетке. В ржавой. И она сразу стала вести себя и как Дэзи и как бабочка: дети начали ходить неумытыми, а муж приносил на обед служебные бутерброды с соленым повидлом.

Через полторы декады Бубенцов окончательно открыл ей глаза.

— Я признаю семью как социальное явление, — горько сказал он. — Пусть даже будут дети, если уж это предусмотрено Конституцией союзных республик. Государство требует жертв. Но кому это надо? Идеальный брак — это муж, жена, комната. Ну, если хотите, плюс коммунальные услуги. Осталь-

ное — мещанство. Дети? Дети — это те же взрослые, только пока маленькие. Они любят жрать и требуют мануфактуры. Из-за них гармонически развитая личность должна получать жалованье, не считая вычетов, не меньше трехсот пятидесяти рублей. Типичные кандалы для индивидуума. А какая от детей радость? Сегодня он сидит у вас на коленях и портит вам брюки, а завтра уже кто-то зовет вас дедушкой. Тускло!

Анна Петровна вспомнила, как вчера Лиза прожгла ей новую блузку, а Миша сунул карандаш в творог, и поверила, что дети — не сплошная радость.

— Почему спасают людей, когда они в пьяном виде падают с лодки, и никто не спасает утопающих в мещанстве? — победно добивал осколки семьи Бубенцов. — Что такое солидный брак? Это когда муж по утрам икает, любит суповое мясо и требует от жены верности. Мужья — это хищники с кривыми ногами, заедающие чужое добро.

— У моего мужа прямые ноги, — безнадежно пробовала отбиться Анна Петровна, чувствуя, что это — ее последнее возражение.

— Кривые, — властно подтвердил Бубенцов. — Вы только не замечаете этого. Внутренняя духовная слепота. Вы как спящая царевна. Проснетесь — и увидите, что кривые. Кроме этого он ходит в стоптанных туфлях, на нижних рубашках у него наверняка большие красные метки, а после пива — мокрые усы. Бедная Дэзи!

Муж не ходил в туфлях, у него были прямые ноги, и он не пил пива. Кроме этого он ежедневно брился. Но чувствовать себя бедной и погибающей в тине мещанства так мучительно приятно, что Анна Петровна все это шумно и недвусмысленно высказала мужу.

— Хорошо, — горько ответил этот молчаливый человек. — Дай объявление в вечернюю газету, что ты ищешь мужа с прямыми ногами. Что я могу сделать?

А через несколько дней Анна Петровна приехала вечером на такси к Бубенцову, внесла чемодан и взволнованно сказала:

— Прими твою Дэзи. Твоя бабочка ушла от мещанства. Принцесса проснулась.

И началась новая жизнь. Шестая по счету у Бубенцова. Слева, на диване, поселился он, а справа, на кровати, за ширмой, бабочка, принцесса и Дэзи, объединенные в лице Анны Петровны.

II

Прошел год. Бубенцов только что вернулся из амбулатории, где доктор напомнил ему, что ему уже тридцать девятый год, за которым пойдет сороковой и так далее, а не наоборот.

— Анюта, — грустно сказал он бывшей Дэзи, — мне нужен покой и уют.

— Хорошо, — сухо заметила она, — я куплю тебе кальсоны на гагачьем пуху. В них тепло.

— Не в кальсонах счастье. Кальсоны продают и холостым в любом универмаге. У нас нет семьи.

— Семья — это мещанство, — зевнула она, вспомнив о красивом брюнете, который спихнул ее с места в автобусе. — Семья — это дети. Мне уже надоели дети. Где-то я читала или слышала, что дети — это те же взрослые, только еще маленькие, и что они требуют мануфактуры.

— Нигде ты этого не читала, — сердито закурил Бубенцов. — Никакой идиот не мог написать этого. Я хочу, чтобы у меня в комнате на полу резвилось веселое существо, которое...

— Ну, купи собаку. Она будет бегать по полу, — снова зевнула Анна Петровна, — и не мешай мне спать.

Она закрыла глаза и еще раз вспомнила брюнета из автобуса.

— Нет, ты не спи, — бросил окурок Бубенцов. — Спать после обеда всякий может. Только я не могу. Приходишь домой усталый, человеку тридцать девять, у меня почки — и никакого уюта.

— Ну, купи себе туфли и ходи в них на кривых ногах, если тебе нужен уют, — не открывая глаз, сказала Анна Петровна. — Может, еще икать по утрам хочешь?

— У меня прямые ноги, — едко заметил Бубенцов, — и я с детства не икаю по утрам.

— Врешь! — вскочила Анна Петровна. — У всех мужей кривые, и все икают.

— Проснулась принцесса! Молчи, ведьма!

— А ты мещанин. Я как бабочка в ржавой клетке...

— Брось клетку к черту! Я тебя этой клеткой как ахну!.. Бабочка! Бабочки не приходят подвыпившие в третьем часу утра...

— А что делают бабочки? Красные метки на ночных рубашках вышивают? Да? О, господи, какой тусклый человек!.. И она сразу уснула от негодования.

III

Над бульварами плыла луна, взятая напрокат из тургеневских романов. На скамейке около памятника сидела тихая пара. Полная шатенка сосала мороженое.

— Не говорите так, дорогая Марья Васильевна... Ах, какое чудесное у вас имя, оно звучит ландышем в роще, — слышался голос Бубенцова. — Семья — это все. Вот вы живете с мужем одна. Вы, муж и плюс коммунальные услуги. Тускло. Почти мещанство. Я вас выну из него. У нас будет семья. У нас будут дети. Я буду приходить домой, класть портфель и гладить русые головки... А Вася — он непременно будет Васей или в крайнем случае Катей — станет говорить: «Папа, папа...»

— Какой вы редкий, — страстно шептала шатенка сквозь холодеющие от мороженого зубы.

А подальше от памятника, с другой скамьи, слышались грудной смех Анны Петровны и рокот автобусного брюнета.

— Нет, вы не Дэзи. Вы Китти! Я буду вас звать так. В этом имени что-то пьянящее, как коктейль с сиропом. Не говорите мне слово «муж». От него пахнет трамваем и носками. Я вас похищу после пятнадцатого. Вы проснетесь обновленная в моей уютной комнате с лифтом и газом. С моими заработками и знакомствами мы смело шагнем в жизнь. Никаких пеленок и мещанских гарантий!

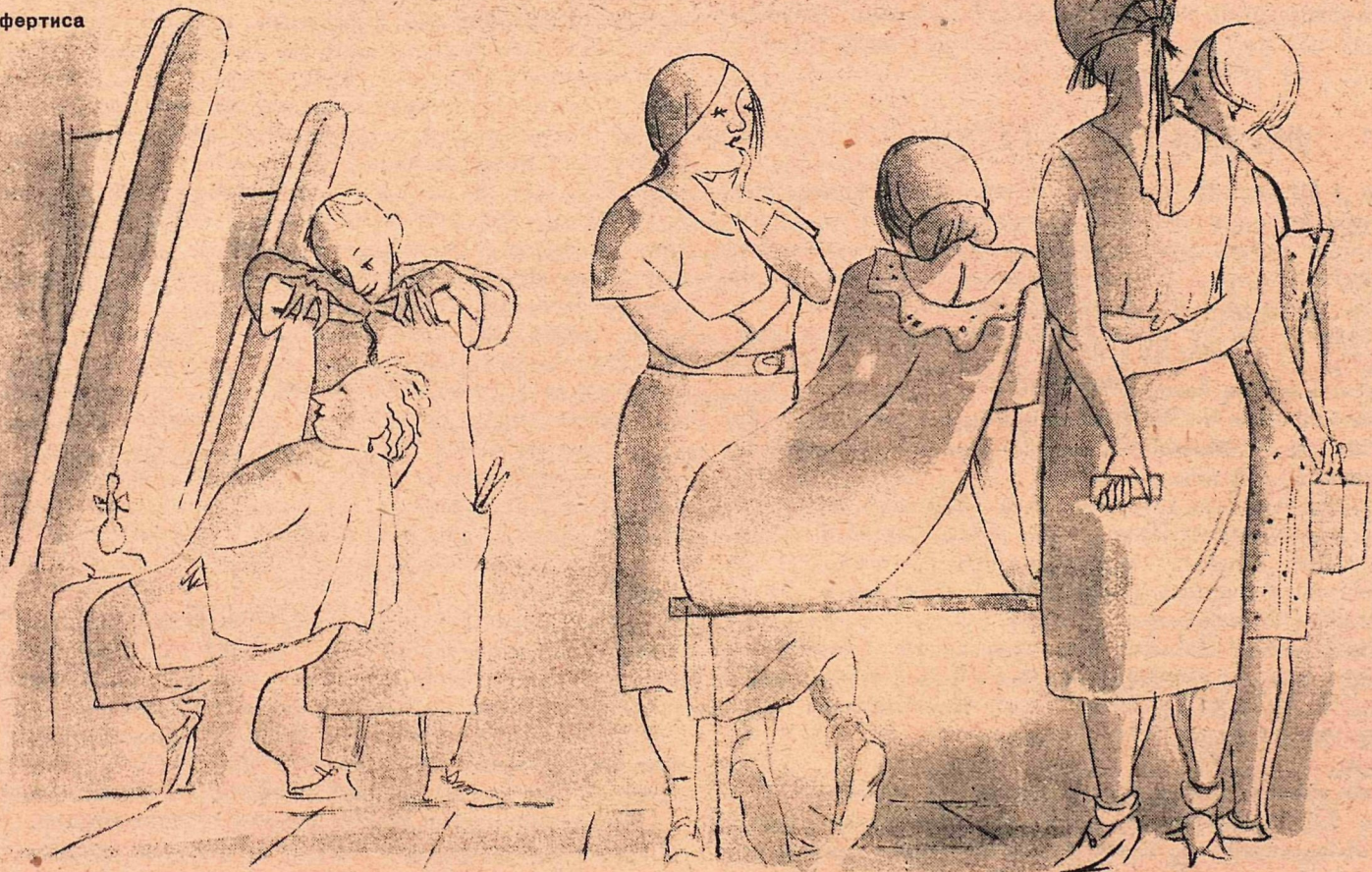
— Вы исключительный! — радостно простонала Анна Петровна.

По бульвару пробежала собака. Где-то пили сидро.

Арк. БУХОВ

БРАК-ПЕРМАНЕНТ

Рис. Л. Сойфертиса

— Завьюсь я на полгода, а вдруг следующему мужу такая завивка не понравится? Три месяца злиться будет.

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА „ТЫСЯЧА“

„ДАЛ“, „НЕ ДАЛ“.

«Дал». «Далó». «Дали». Этот глагол самый частый в его устах. Но в подавляющем количестве случаев с прибавлением отрицания: «Не дал». «Не дало». «Не дали». И губы — плотоядные и неприятные, — когда он произносит эти слова, еще более неприятны. В них преобладает выражение бездушной требовательности, самодовольства, равнодушия и неблагодарности.

— Работал я полгода, но это мне ничего не дало. Чувствовал, что не расту.

— ?

— Он занимался со мной. Приходил, правда, аккуратно, все такое, но, понимаете, ничего мне не дал.

— В лаборатории вы работали?

— Работал, но мало вырос. Чувствовал, что не расту. Лаборатория мне ничего не дала.

— А там же замечательный профессор?!

— Может быть, но мне он ничего не дал.

Плотоядные, жадные губы привыкли к этому глаголу: «дал», «не дал».

— Но ведь это же все-таки замечательный профессор... Это — общеизвестно...

— Не знаю. Я чувствовал, что не расту. Мне лично он ничего не дал.

— А почему вы ушли с завода? Ведь там великолепный коллектив был?

— Великолепный? Может быть, великолепный, но мне он ничего не дал.

...Против этого юноши нарастает острое раздражение: какое счастье, что среди нашей молодежи мало таких интеллектуальных иждивенцев, но как печально, что в каком-то небольшом количестве они все же существуют и подобные разговоры бывают.

— А что вы дали, дорогой товарищ, лаборатории, школе, коллективу завода, товарищам, учителям, профессорам и всем, кто с вами возился, кто вас учил и воспитывал? Что вы дали им?

Он настораживается, смотрит исподлобья и явно обижается. Он ничего не говорит, но ясно, что вывод у него готов — этот разговор ему тоже ничего «не дал».

„НЕИЗЖИТЫЕ ОСТАТКИ“

Приехал в Париж. В Париже встретил ранее приехавшего туда, тоже по командировке, товарища. Был двадцать седьмой год. Товарищ уже успел приодеться. Светлосерая шляпа, изящное пальто, длинное, модное, с широкими лацканами и широким поясом. Товарищ был возбужден.

— Ты был на Рю де ла Пэ? Смотрел бриллианты в витринах?

— Н-нет... Еще не был...

— Чудак ты этаким! Как можно пройти мимо такого богатства?! Это же богатство! Ты же никогда не увидишь таких бриллиантов! Как можно...

Товарищ был почти неузнаваем. В Москве — скромный инженер, тихий человек. Правда, не очень хороший общественник. Правда, немного стяжатель. Но все-таки... Ничего, работник как работник... Откуда же это волнение? Откуда такое возбуждение?!

— Чудак! Быть в Париже и не видеть этого богатства!! (Слово «богатство» он произносил как-то в нос, с упоением). Бриллианты! Я никогда не видел таких бриллиантов!

— Немудрено. Где ж тебе было видеть... У отца в погребе?..

— Но ты пойдешь, посмотри... Неужели не пойдешь?

— Надо будет посмотреть... Почему же... Обязательно...

Через несколько дней опять встретил товарища.

— Куда ты?

— Был в полпредстве, сейчас гуляю...

— Пойдем в одно полузакрытое недоступное местечко... Там бывают исключительно богачи... Там запах богатства! Запах богатства!..

— А как тебя пустили туда?

— Меня повел туда знакомый француз. А сейчас, думаю, пустят без него.

Пошли. На небольшой улице было расположено в изящном особнячке это место. Мало людей. У стойки возлились две женщины, одетые по-бальному, в шелковых платьях. За столиками ели пирожные и пили кофе две старухи. В углу в глубоком мягком кресле полудремал пышный старик. Пахло печеньем, кофе, немного фруктами.

— В чем же запах богатства?..

Товарищ махнул рукой и с тем же возбуждением, которое отличало его в Париже, ответил:

— Ты — чудак! Ничего не понимаешь!

Вышли из кафе, попрощались. Вспоминая возбужденный тон товарища, улыбался. Что-то было смешное и жалкое в этом наивном преклонении перед чужим «богатством». «Запах богатства»... «Бриллианты на Рю де ла Пэ»...

Через несколько лет, в Москве, спросил как-то у этого товарища:

— Помнишь, как ты волновался в Париже по поводу бриллиантов и «запаха богатства» в кафе, где сидели две ветхие старухи?..

Товарищ, сильно изменившийся за это время, имеющий две премии за рационализацию, засмеялся и смущенно ответил:

— «Неизжитые остатки капитализма в сознании людей»...

ТОЛЬКО В ОДНОМ СЛУЧАЕ...

Очень тихий человек. Действительно незлобивый, скромный и сдержанный. Работает очень добросовестно. На хорошем счету. Неплохой общественник. Все хорошо. Но от носа у него начинаются две морщины. Они бегут вдоль рта и дальше до самого низа челюсти, спадая с лица, как на географической карте большие реки в море. Эти морщины говорят о совершенно бездонных, неудовлетворенных аппетитах. Но чего жаждет этот человек? Откуда это глубокое недовольство, зажатое в узкие берега двух длинных морщин? Откуда сумрачные складки на подбородке и у глаз? Какие обиды затаил этот человек? Может быть, женщина разлюбила, бросила, ушла с другим? Нет. У него такая же скромная, как и он, тихая жена. Может быть, что-нибудь в прошлом неладно? Нет. Отец — честный труженик. Все ясно. Ничто его не гложет. Откуда же все-таки эти морщины? Человек с такими морщинами должен от времени до времени широко открывать рот и изрыгать из него ругань и проклятия... И действительно, он сильно ругается, этот тихий человек, отчаянно ругается, но только в одном случае. Только в одном случае. Он несколько не завистлив, но невероятно страдает, когда выдают награды и премии... Ему всегда кажется, что дали не тем, кому следовало... Как это его волнует! Куда девалась его скромность! Куда исчез тихий облик?! В коридорах, в задних комнатах, на лестницах, в укромных уголках можно видеть этого человека.

— Что такое!! — волнуется он. — Почему не наградили этого?

Он отчаянно ругается, даже пена выскакивает из его широко открытого острого рта. Почему дали тому, а не дали этому? Почему такая несправедливость? Он понимает, что никакой несправедливости нет, что нельзя наградить всех. Но он не может сдержаться. В нем подымается пыл, с которым он не может совладать...

— Я напишу заявление! Я напишу в ЦИК!

Но премирование проходит, он успокаивается... до следующего... И морщины опять принимают мирное выражение...

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ЛОЦМАН НА МЕЛИ

Это интересное происшествие случилось в Камском устье. Есть на Волге такая большая узловая пристань, пропускающая за навигацию 2000 пароходов. И вот в этом самом Камском устье три часа искали трезвого лоцмана для одного парохода.

Произошло все так.

Когда пароход честь-честью причалил к пристани, капитан его сошел на берег, позвонил по телефону в диспетчерскую и попросил прислать на пароход лоцмана (в этих местах пароходы всегда идут с лоцманами).

Ждать пришлось недолго. Не прошло и часа, как на пароход приполз лоцман Голямов.

С трудом осилив сходни, бравый лоцман в нерешительности остановился перед трапом, идущим на командирский мостик. Потом, икнув, довольно храбро атаковал непокорные ступеньки. Не одолев, однако, и трети проклятого трапа, лоцман сел прямо на ступеньках, горестно подперев рукой лохматую забубенную головушку в форменной фуражке речного ведомства.

Капитан парохода отослал Голямова назад на берег — проспаться, а в диспетчерскую с нарочным отправил официальную бумажку:

«Прошу прислать на пароход **ТРЕЗВОГО** лоцмана».

Слово «трезвого» он подчеркнул два раза жирной чертой.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и часа, как босоногий рассыльный, одетый, однако, в синий подержанный китель с золотыми пуговицами, принес из диспетчерской ответ, исполненный мрачного юмористического отчаяния:

«В запасе 30 лоцманов, но трезвого нет ни одного».

Отдавая бумажку, рассыльный в кителе с золотыми пуговицами добавил от себя:

— Все наскрозь пьяные! Раков варят и песни играют.

Выругавшись в усы, капитан послал тогда на берег своего грезьего помощника Шевченко — искать трезвого лоцмана.

— Поищите хорошенько, товарищ Шевченко, — сказал капитан ему на прощанье, — а то ведь пьяный нас только до первой мели доведет, не дальше!..

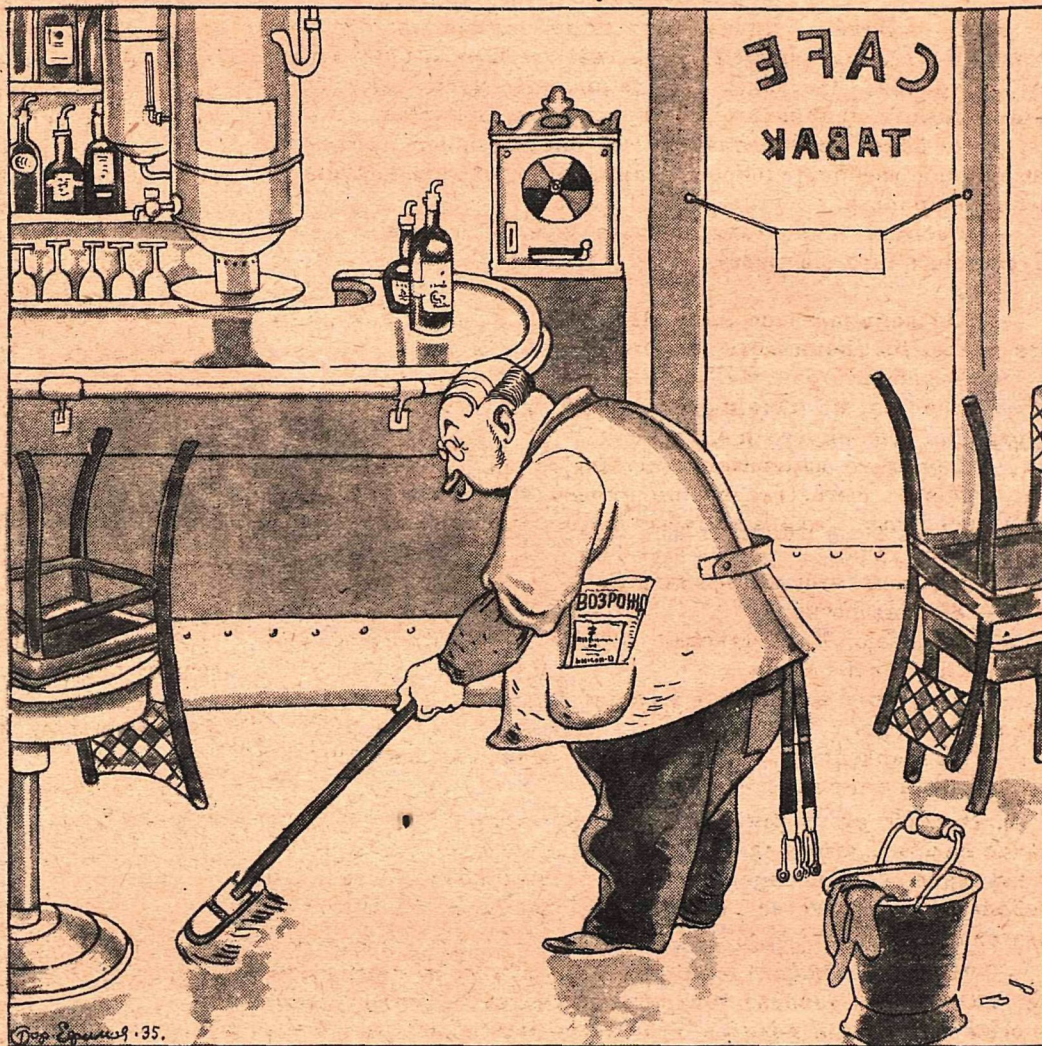
Шевченко — этот новый Диоген — начал поиски трезвого человека с отдела кадров пристани Камское устье. Но там, услышав странную просьбу третьего помощника, лишь безнадежно замахали руками:

— Трезвого лоцмана? В Камском устье? Может, вам еще птичьего молока в золотом кувшинчике привести?

Шевченко не сдавался. Пошел к партийному организатору пристани Серавину. Тот решительно снял телефонную трубку.

— Алле! Это кадры? Слушай, кадры, что у нас действительно нет трезвых

Рис. Бор. Ефимова

Утро помещика.

лоцманов? Алле! Не слышу! Нету, говорите? Ну, может, не совсем трезвый есть, а так, чуток навеселе? И таких нет? Эх, работнички!..

Третий помощник отличался, однако, железной настойчивостью. Он сам пошел к лоцманам.

Комната, где помещались, ожидая наряда, лоцманы Камского устья, представляла собой расширенную собачью конуру с низким потолком идеально черного цвета. Сквозь густые синие клубы махорочного дыма Шевченко увидел красные лица лоцманов и понял, что босоногий рассыльный в кителе не соврал.

Лоцманы действительно варили раков, орали похабные частушки и благоухали спиртным перегаром так, что от одного запаха в этой комнате у свежего человека начинала муторно кружиться голова.

— Ребята, неужто все пьяные? — спросил потрясенный Шевченко.

— Гуляем! — ответил ему крайний к двери бородач. — Садись с нами, капуста!

— Неужели ни одного трезвого нет? — повторил Шевченко.

— Пошарь в правом углу. Никак, Никанорыч не пил.

Шевченко «пошарил» в углу и растолкал спящего Никанорыча. Он оказался трезвым. Не помня себя от радости, Шевченко потащил на пароход это «чудо», протиравшее заспанные глаза.

По дороге они встретили диспетчера Машкова.

— Устроились? — спросил диспетчер. — Ну вот и слава труду!

— Только смотри, Шевченко, — ворчливо прибавил диспетчер, — в следующий раз выбирать не дам. Какого лоцмана даю, — такого и берите. Подумай, причина, что выпил лишнего мужчина. Протрезвится в дороге! Ветерком его продует — и вся недолга!

... Пароход дал прощальный гудок и плавно отошел от пристани Камское устье. На дебаркадере стало тихо. Впрочем, в комнате на верхнем этаже уже раздавались голоса: начиналось двенадцатое за декаду заседание, посвященное жгучим вопросам борьбы с авариями и простоями судов.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ГОСКОШКА И ТОВАРИЩ ЗУЕВ

Не скроем. У нас в стране много кошек. Разных мастей, возрастов, пород. Но их популярность, как правило, не выходит за пределы семьи, дома, в лучшем случае, квартала.

И только одна кошка возвысилась над прочими. Эта выдающаяся кошка принадлежит социалистическому сектору. Она числится по неустрашимому ведомству связи. Прочно войдя не так давно в железный инвентарь кладовой кунгурской почтовой конторы, она передается из рук в руки при сдаче дежурства наравне с круглой сургучной печатью и свинцовыми пломбами.

И вот эта самая кошка вследствие ее легкомыслия, равно как и вследствие явного недомыслия начальника конторы Зуева, явилась причиной тягостной и небывалой служебной драмы. В подтверждение приводим насыщенный подлинным трагизмом заявление дежурного по упомянутой кладовой А. Трубникова:

Заявление

Трубникова Ал-дра Ив. Настоящим прошу уволить меня с занимаемой мной должности дежурного при кладовой в виду того, что начальник к-ры товарищем Зуевым предъявлены совершенно невыполнимые условия т. е. охрана настоящей живой кошки, которая правда необходима для уничтожения хомячков, портящих посылки, но вместе с тем полная ответственность за кошку невозможна, т. к. работы хватает и кроме охраны кошки. Допустим, если все время сидеть у одних дверей и караулить кошку, то она может сбегать в другие, при том же работы хватает, которую я не буду перечислять. Полагаю, что ее можно учесть во всякое время, а кошку придется водить на двор на веревочке, иначе ее не уберечь, а бегать за ней в виду больных ног я не могу. На основании вышеизложенного прошу уволить.

А. Трубников.

15/VI 35 г.

Действительно, попробуйте за год учесть, куда заблагорассудится ударить кошке как раз во время сдачи дежурства. Это так же невозможно, как угадать, какое еще талантливое мероприятие даметит в ближайшее время непреклонный кунгурский начальник Зуев.

НЕ ТОТ ЛИМИТ

Журнал «Вопросы страхования» в № 12 за текущий год торжественно взял на себя явно невыполнимое обязательство. Статью о медобслуживании на заводе «Красная заря» редактор журнала снабдил решительным заголовком:

Берем обязательство выполнить лимит заболеваемости

Лучше бы товарищи из «Вопросов страхования» взяли более подходящее для себя и безусловно реальное обязательство — выполнить лимит ликвидации неграмотности и расхлябанности среди работников этого нужного и ответственного журнала.

КАК БЕЗ РУК

Вопрос:

— Что необходимо иметь для проведения слета ударников советского предприятия?

Ответы:

1-й читатель. — Помещение!

2-й читатель. — Стол для президиума!

3-й читатель. — Колокольчик! Колокольчик для председателя!

4-й читатель. — Графин! Для ораторов графин с водой!

5-й читатель. — Бумагу для прот...

Стоп! Никто не угадал. Вот в Чите для слета ударников необходимо было 500 литров пива. Не верите? В нашем распоряжении такой документ:

Р. С. Ф. С. Р.
КОММУНАЛЬНЫЙ ТРЕСТ
Читинский

Электрическая станция
„436“

11 июня 1935 года.

№ 8-4

г. Чита, Профсоюзная ул.
д. № 13.

Чит. дрожзавод

Читинской электростанции необходимо требуется для проведения слета ударников 12 июня с. г. пиво в количестве 500 литров. Просим вашего распоряжения не отказать в нашей просьбе.

Зам. управляющего (Калинин)

Завхоз (Лазарев)

То-то и оно! Мы не говорим: без пива слет ударников — как без рук!

ГЕНИИ И РАСТРАТА

Главное — это найти подходящую формулу перехода. Остальное все приложится.

Особенно, например, в сложном вопросе о растратах и хищениях. И такую формулу без особых затруднений придумали и обнародовали административные гении Вишерского бумажно-целлюлозного комбината.

Так, в приказе № 153 от 2 июня, в пункте 3, мы читаем:

В виду обнаружения растрат по 1 апр. с. г. в магазине № 2 ОРСа, весь штат работников магазина полагать в очередном отпуску.

Самое эффективное, конечно, это то, что отпуск все-таки назван очередным. Очевидно, еще не потеряна надежда, что его придется дать и при следующей растрате.

НЕЛЬЗЯ

Совершенно исключительная бдительность по части пожарной охраны была проявлена в Колоривском районе, Горьковского края.

Там прежде всего решили ударить по рукам куращих. Довольно, покурили. Будет.

Поэтому в приказе № 1 районной противопожарной тройки, в пункте третьем, объявлено всему населению района:

Воспретить призажиганию и прохожим лицам на ходу курение табака во всех населенных пунктах района.

Интересно, где же теперь можно покурить в таком районе? На ходу в населенных местностях нельзя. Остается только сделать для себя табачный стационар на какой-нибудь высокой сосне в лесной чаще и там и наслаждаться цыгаркой.

ТВОРЦЫ И УПОЛНОМОЧЕННЫЕ

Дорсанотдел управления Уссурийской железной дороги решил показать общественности, что такое настоящий хлесткий и организующий лозунг.

И выпустил его в таком виде:

**ЧЕМ СОЗНАТЕЛЬНЕЕ МАТЬ —
тем меньше болеют у нее дети.**

МАТЕРИ,

ПОВЫШАЙТЕ СВОЮ общую и САНИТАРНУЮ НЕГРАМОТНОСТЬ.

Под лозунгом скромным мелким шрифтом:

«Уполномоченный крайлита 277-б».

Интересно знать, на что уполномочен такой дядя? Вряд ли на то, чтобы подписывать такую злую ерунду.

В ПОРЯДКЕ СЛЕПОТЫ

Предусмотрительность, конечно, никогда не мешает.

Повинуясь этому мудрому правилу, СевкрайОНО открыло в Елецком районе школу для слепых.

Тринадцать месяцев существует школа. Тринадцать месяцев в ней нет ни одного ученика. Тринадцать месяцев директор и штат получают жалованье. Тринадцать месяцев школа дожидается слепых.

«А где же слепые?» — удивленно спросит читатель. «Как где? — не менее удивленно ответим мы. — А в СевкрайОНО? Разве зрячие люди могут не замечать такого безобразия?»

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ СОБУТЫЛЬНИКИ

Директор совхоза «Орешково» (Московской обл.) Мельков не видел никакого различия между своим карманом и кассой совхоза. Когда в совхозе деньги иссякли, Мальков прибег к средствам рабкоопа. Благо председатель рабкооп Метелкин был его закадычным другом и собутыльником. Когда Метелкина осудили на полтора года принудительных работ за растрату, Мальков пригрозил его и назначил начальником конного парка.

Этим не дочерывается «список благодеяний» Малькова. Сюда следует еще прибавить: 200 тонн замерзшей капусты, 20 бочек сгнивших огурцов, 22 погибших свиньи. Малькова сняли с работы в совхозе, но... назначили заместителем председателя райисполкома. Обо всем этом Крокодил сообщил Партколлегии Комиссии партийного контроля по Московской области. Сейчас прокурор Луговницкого района ведет следствие по этому делу. Мальков привлекается к уголовной ответственности.

„РАННЕЙ ВЕСНОЙ“

В № 6 Крокодила был помещен фельетон «Ранней весной». Медсестра городской амбулатории города Карасу-Базар (Крым) Стаченко поставила вечером банки старшему кузнецу совхоза «Мариано» т. Кобелякскому и ушла домой. Снять банки она поручила санитарке Комм. Санитарка забыла об этом поручении и ушла домой. Вольной пролежал в запорной комнате на деревянной койке до утра. На теле появились кровавые пузыри. 6 дней не мог Кобеляцкий выходить на работу.

Прокурор Карасубазарского района сообщает нам, что по материалам Крокодила медсестра Стаченко предана суду по ст. 111 УК.

ПО ЗАКОНУ ОТ 7 АВГУСТА

Крокодилу стало известно о хищениях хлеба в колхозе «Красная нива» (Татария). По материалам Крокодила состоялся суд. Обвиняемые Старшинов и Князбаев осуждены каждый к 5 годам лишения свободы.

ВОЛОКИТЧИКИ ИЗ ФИНОТДЕЛА

Колхоз «Завет Ленина», Лад-Балковской МТС, Северокавказского края, полностью уплатил причитающуюся с него страховую сумму еще в октябре 1934 года. Финотдел, не проверив платежей колхоза, распорядился наложить арест на текущий счет колхоза. В результате колхоз переплатил 4.504 рубля. В течение нескольких месяцев представители колхоза обивали пороги Финотдела и сберкасы и никакого толку: никто переплаченных денег колхозу не возвращал.

Об этой возмутительной волоките Крокодил сообщил прокурору Северокавказского края. По предложению прокуратуры, деньги возвращены колхозу. Виновнику волокиты — контролеру сберкасы Карачинцеву — объявлен выговор с предупреждением.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В обеденные часы в Кичменском городке (Северный край) ответственные и полуответственные работники ходят не с портфелями, а с охапками дров. Не подумай, что это какой-нибудь особый крик местной моды или летние настроения. Это просто начальник местного ОРС дал распоряжение отпускать из столовой обеды только тем, которые приносят с собой дрова для готовки. Сдал талон на обед, вручил два березовых полена — получишь борщ и котлету. Не принес дров — столуешься, где хочешь. Интересно?

Один из древоносов
Л. БАРБОЛИН.

Кич. городок, Сев. край.

Многоуважаемый Крокодил!

Тот, кто не верит, что на свете бывают чудеса, пусть взглянет в колхоз «Грядущий мир», Богайского сельсовета, Евпаторийского района. Там председателем колхоза состоит зажиточный ЕДИНОЛИЧНИК Василий Боровик.

Я знаю: ты посоветуешь сигнализировать об этом районным организациям. Сигнализировали уже. Районные организации считают, что все в порядке.

Так что я теперь несколько не удивлюсь, если где-нибудь в Евпаторийском районе будет утвержден в качестве секретаря сельской партийной организации какой-нибудь беспартийный товарищ или пионер.

К. НОСОВА.

Богайский сельсовет,
Евпаторийского р-на,
Крым.

Товарищ Крокодил!

Четвертым изданием вышли алгебраические задачи Шапошникова и Вальцева. В книжке 150 страниц и 129 опечаток. Я понимаю, что можно учиться и на ошибках, но ведь не алгебраическим задачам!

Курсант М. САЧКОВ.

Ст. Крупки, БССР.

Дорогой Крокодил!

Для нашего завода «Укркабель» мы выписали специальную литературу из Госуд. издат. комитета по изобретательству при СТО в Ленинграде. Нам прислали подробное описание аппарата для завивки волос. Мы не возражаем против завивки (как холодной, так и горячей). Это — дело вкуса и эстетических потребностей. Но для чего нашему заводу нужна завивка, а ленинградскому издательству головотяпы в аппарате?

М. БОРИСОВ.

Киев.

Товарищ Крокодил!

Главный кондуктор Мервского резерва Среднеазиатской ж. д. тов. Грунковский носит очки. Это, конечно, — не такое уж событие, чтобы о нем извещать во всесоюзном масштабе. Но тов. Грунковский иногда роняет очки, и это приводит к совершенно исключительным явлениям на транспорте. Так третьего июня поезд № 954 был неожиданно остановлен на 48 минут недалеко от разезда № 61. Оказалось, что Грунковский уронил очки и один из кондукторов должен был 2 километра идти пешком по линии и осматривать путь: нет ли где-нибудь пропавших очков. Кондуктор вернулся и развел руками: очков нет. Тогда 2 километра исходил сам Грунковский и вернулся с победой: очки были найдены. Обрадованные пассажиры поняли, что теперь могут беспрепятственно ехать дальше. А насчет 48 минут говорить не будем. Ведь не на двое же суток задержали поезд!

АВАНЕСОВ.

г. Мерв.

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе о новом способе обмена профбилетов, изобретенном секретарем фабкома военно-мебельной промышленности им. С. Каменева Каминкером.

Способ заключается в том, что Каминкер уходит из комнаты, профбилеты оставляет на столе, а дверь открытой.

При таком способе даже трамвайный билет легко обменять на 10 профсоюзных билетов. Интересно знать, практикуется ли еще где-нибудь такое обращение с профбилетами или наш фабком — приятное исключение?

Я. СОКОЛОВСКИЙ.

Киев.

Милый Крокодил!

У нас в Томском электротехникуме одно главное удобство: сидишь в одной аудитории, а лекции слушаешь одновременно из трех. Стены наскоро сделаны из досок, и скоро в них вообще появятся дыры, так что не только слышать, но и видеть можно будет соседние аудитории. Зато много неудобств. Особенно из-за штукатурки. Падает на голову когда надо и не надо. Недавно чуть библиотекаряшу штукатуркой не убило. И кстати, на полах такие выбоины, что приходится прыгать, а не ходить. Пробовали требовать ремонта — ничего не помогает. Очевидно, электротехника считается такой крепкой наукой, что ей не помешает ни падающей штукатуркой, ни выбоиной, ни досками вместо стен. Помогите, дорогой Крокодил, работать и учиться в более человеческих условиях!

А. ТУМАНОВА

и еще 29 подписей.

Томск.

Милый Крокодил!

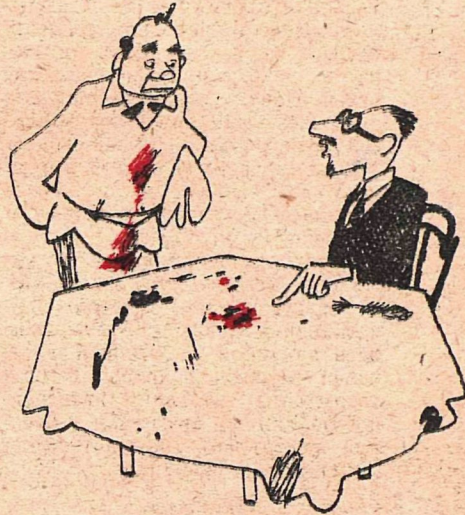
Нет ли у нас в Москве каких-нибудь заочных курсов по свисту? Или хотя бы по радио нас, велосипедистов, обучали свистеть? Звонков для велосипедистов купить нигде нельзя. Ездить без них тоже нельзя. Сидеть на велосипеде и кричать — неудобно. В первых, голоса не хватит, во вторых, скажут, что сумасшедшая. А что делать?

ИРА СКОРБИЛИНА.

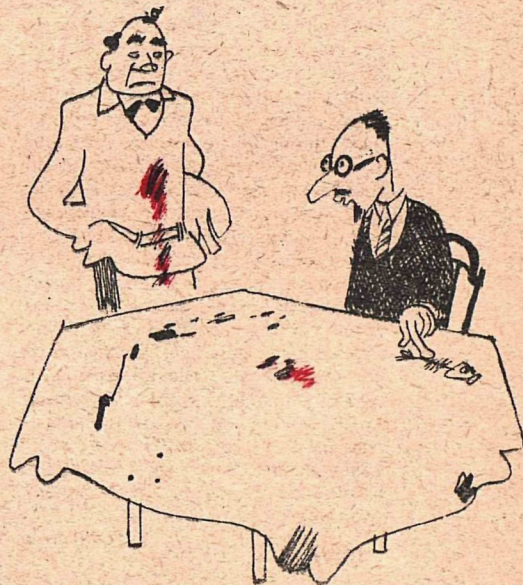
Москва.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ МЕНЮ

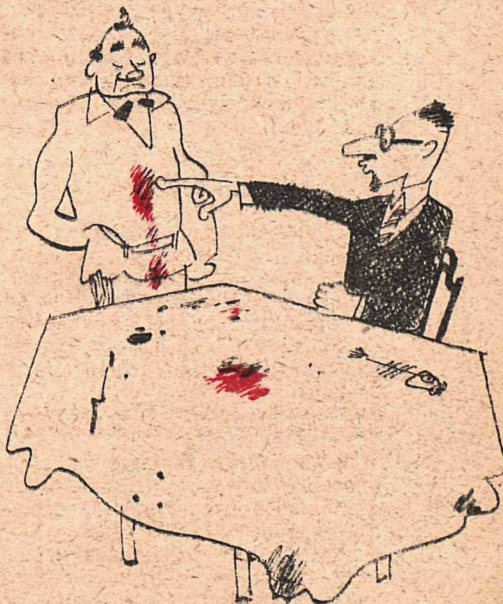
Рис. К. Ротова

— Значит, на первое дайте мне рассольник.

— На второе можно рыбу...

— А на третье — кисель!

